

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ БОЛЬШЕВИЗМА

История большевизма описана в огромном количестве трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей. В советской историографии сложилась апологетическая концепция истории большевизма, которая стала объектом критики, начиная с конца 1980-х гг.

В годы «перестройки» историки и публицисты И.Я. Алуф, Ю. Амиантов, Н.Ю. Березовский, А.Ю. Друговская, С. Евгеньев, Р. Петров, А. Розин, А.Н. Свалов, К.Н. Тарновский, А.И. Уткин и др. активно занялись раскрытием «белых пятен» в истории большевизма¹. В печати развернулась полемика о роли В.И. Ленина в истории партии и отечественной истории в целом. В работах Ю. Афанасьева, А. Владимировой, А. Ципко и др. содержалась отрицательная оценка деятельности Ленина². Однако большинство историков не было согласено с подобной оценкой³.

В литературе того времени стали формулироваться новые подходы к оценке большевизма. Так, М.Я. Гефтер объяснял популярность большевиков тем, что дух «социальной революции», который нес в себе большевизм, «совпал с жадной миллионов крестьян завершить вековой спор с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией – завершить вековой спор уничтожением былых средостений и, прежде всего, крепостнических перегородок на земле»⁴. А.Н. Сахаров называл большевизм разновидностью революционного тоталитаризма⁵.

А.С. Ахиезер пытался вписать большевизм в свою социокультурную циклическую модель истории России. Он выводил родовые качества и логику внутреннего развития большевизма из общероссийского механизма цикличности, который, в свою очередь, обусловлен промежуточным характером всей русской культуры. По его мнению, у большевиков были особые свойства, главное из которых – стремление большевистской партии приспособить к своим политическим интересам раскол и инверсионный характер традиционной народной культуры. Он писал, что «только

Доклад на конференции «Современный радикализм и экстремизм: вызовы XXI века» (Екатеринбург, Уральский гос. университет, октябрь 2002 г.).

¹ См.: Друговская А.Ю. Борьба Ленина, социал-демократов за революционное наследие 60-70-х гг. XIX в. в России (1900-1903). Воронеж, 1988; Партийные конференции: Их место и роль в деятельности КПСС. Л., 1990; и др.

² См.: Афанасьев Ю.Н. Что пожинаем? // Век XX и мир. 1990. № 5; Ципко А. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М., 1990; Владимиров А. Кто заказывал музыку... // Россия. 1991. № 3; и др.

³ См.: Анисимов Н.Л. Обвиняется Ульянов-Ленин (о фальсификации Временным правительством дела о шпионаже большевиков) // Военно-исторический журнал. 1990. № 11; Антонович И. Время собирать камни: Ответ новым фальсификаторам ленинизма // Партийная жизнь. 1990. № 14; Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Куда идет суд? // Родина. 1990. № 10; Они же. Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 5; В спорах о Ленине: Вождь? Памятник? Человек? // Советская культура. 1990. 21 апреля; Постигая Ленина. М., 1990; Ленин: человек – мыслитель – революционер. М., 1990; Сергеев А. Мы с Лениным, а Вы? // Родина. 1990. № 5; Шарапов Ю.П. Ленин как читатель. М., 1990; Шашков Н. Что нужно сейчас защищать в ленинизме? // Коммунист Молдавии. 1990. № 6; Волюбуев П. Ленин и наша историческая судьба // Известия. 1991. 22 апр.; Корниенко С.И. Полемика вокруг ленинского наследия (1898 – октябрь 1917 гг.). Пермь, 1991; Ленин, о котором спорят сегодня. М., 1991; и др.

⁴ Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 413

⁵ См.: Сахаров А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист. 1991. № 5

большевики заняли утилитарно-конъюнктурную позицию приспособления к той наличной ситуации, которая в условиях раскола неизменно отвечала на любые масштабные решения дезорганизацией. Большевики стремились на эту уникальную ситуацию дать уникальный ответ, а именно – создать идеологические, организационные формы, способные постоянно отменять собственные решения...»⁶.

Американский политолог А. Янов рассматривал большевизм как проявление автократии – своеобразного российского политического гибрида, сочетающего элементы европейской и восточной культур. Он полагал, что автократия прелитствовала процессу «наращивания латентных ограничений власти до степени трансформации их в ограничения политические, как это было свойственно абсолютизму». По мнению автора, большевизм – это просто стадия в раскручивании инвариантной модели, которая зеркально повторяет то, что уже свершалось в российской политической истории⁷.

На фоне выработки новых подходов к истории большевизма выделялись взгляды публицистов, осуждающих большевизм. А.С. Ципко рассматривал большевизм как воплощение всяческих зол, доктринальной первоосновой которых явился марксизм. Автор отказывал большевикам в российских корнях. Он писал: «Нетерпимость Ленина к политической свободе... идет не от русского характера, а, прежде всего, от марксистского учения о диктатуре пролетариата, от марксистского убеждения, что буржуазные права и свободы, буржуазный парламентаризм и свобода печати должны пасть в ходе победоносной пролетарской революции»⁸.

В отличие от А.С. Ципко, Ю.Н. Афанасьев считал, что большевизм имеет глубокие исторические корни как в российской жизни, так и в мировой культуре. По его мнению, истоки большевизма восходят к культуре Просвещения и даже позднего Возрождения, когда была сильна вера в безграничные возможности разума, в то, что можно не просто сконструировать представление о совершенном, справедливом, разумном обществе, но и воплотить это представление на практике. Автор писал, что рационализм стал идейным базисом марксизма, а через него был унаследован большевизмом: большевики уверовали, «что общество можно, как избу построить, как завод, как какой-то механизм сконструировать по заранее изготовленному чертежу». Этот рационалистический утопизм приводил их к поиску средств для осуществления своего социального проекта. Ю.Н. Афанасьев пишет: «А тут без террора и насилия, оказалось, не обойтись»⁹.

Эти воззрения перекликались с взглядами эмигрантских и зарубежных авторов, которые в годы «перестройки» активно стали публиковаться в СССР. По мнению А. Авторханова, Ленин был «крестным отцом» криминального течения в большевистской партии, допустившим применение методов политического бандитизма в форме «эксов»¹⁰. Подобное же мнение высказывал и зарубежный исследователь Л. Люкс¹¹.

⁶ Ахиезер А.С. Социально-культурная динамика России: К методологии исследования // Полис. 1991. № 5. С. 60-61

⁷ Янов А. Истоки автократии // Октябрь. 1991. № 8. С. 148

⁸ Ципко А.С. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 176

⁹ Советская молодежь. 1990. 25 апреля

¹⁰ Авторханов А. Происхождение партократии // Октябрь. 1991. № 2. С. 142

¹¹ См.: Люкс Л. Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № 11

Мы не согласны с мнением В.П. Булдакова, что с тех пор «о большевизме писать почти перестали»¹². В 1990-е гг. – начале XXI в. выделяются два этапа в изучении истории большевизма.

В первой половине 1990-х гг. литература, посвященная большевизму, продолжала публиковаться¹³, однако, резко изменилась оценка большевизма и его руководителей. Для того, чтобы окончательно развенчать образ Ленина не только как политика и государственного деятеля, но и как человека, массовым тиражом стала издаваться литература, смаковавшая такие подробности личной жизни В.И. Ульянова – Ленина, которые как по идеологическим, так и по человеческим причинам не могли быть опубликованы в советское время. Читатели узнали много «интересного» о личной жизни, болезнях, родственниках Ленина, его политической и государственной деятельности как из отечественной¹⁴, так и из эмигрантской и западной¹⁵ литературы.

В прессе развернулась острая полемика о большевизме. В ряде изданий происходило весьма далекое от науки полное очернение всей деятельности большевизма, сопоставление их деятельности с фашизмом. По словам О.Ф. Русаковой, «в современном либерально-демократическом сознании нет, наверное, более зловещего социально-политического символа, чем тот, который именуют большевизмом. Это слово в последнее время для многих наших соотечественников превратилось в общественный жупел, встав в один ряд с таким ненавистным понятием, как фашизм»¹⁶. А.Н. Яковлев писал, что «повсюду, где утверждался большевизм, он нес с собой нетерпимости, репрессии, духовный и политический гент, дикта серости и некомпетентности, давящий груз всеильной и беспощадной государственной монополии. А тем самым – и замедление социально-исторического развития, нарастающее отставание от мирового цивилизационного процесса, распад морали и разложение традиций»¹⁷.

Большевизм, с этой точки зрения, представлялся как преграда на пути дальнейшего углубления конвергенции России с Западом. Авторы писали, что, преодолевая большевизм, Россия возрождает свое историческое призвание – придать новое дыхание европейской культуре, «вновь выстроить и реализовать исходно-европейское, категорически императивное понимание права»¹⁸.

¹² Булдаков В.П. Большевизм в интерьере российской многопартийности // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001. С. 286

¹³ См.: Розенталь И.С. Пражская конференция: мифы и реальность // Кентавр. 1992. № 5-6; Он же. Большевики // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994; Он же. Большевики // Отечественная история. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. А-Д; Тихомирова О.К. Большевизм и психология // Вопросы психологии. 1992. № 5-6; Гараи И. Психозкономическая система большевистского типа // Полис. 1993. № 1; Коган А.И. Большевистские вожди: К вопросу об интеллигентности и прагматизме // Октябрь 1917 г.: вопросы истории. Н. Новгород, 1993; Русакова О.Ф. Анатомия большевизма: Отечественный опыт концептуального осмысления. Екатеринбург, 1993; Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм. М., 1994; Яковлев А.Н. Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994; и др.

¹⁴ См.: Васецкий Н.А. Вождь: Ленин. М., 1992; Вождь: Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992; Волкогонов Д.А. Ленин: Политический портрет. М., 1994. В 2-х кн.; Его же. Семь вождей: Галерея лидеров СССР. М., 1995. В 2-х кн.; и др.

¹⁵ См.: Штурман Д. О вождях российского коммунизма. Париж; М., 1993. Кн.1; Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993; и др.

¹⁶ Русакова О.Ф. Анатомия большевизма. С. 3

¹⁷ Яковлев А.Н. Большевизм и Реформация России. С. 111

¹⁸ Вопросы философии. 1992. № 6. С. 66

О.Ф. Русакова попыталась сформулировать определение феномена большевизма. Она пишет: «Большевизм – это исторический социокультурный феномен, возникающий в период глубокого кризиса традиционных структур российского общества и объективно выступающий в роли социальной силы, пролонгирующей в превращенной идейно-политической форме историческое бытие соборно-авторитарного идеала и характерного для него типа мышления и поведения посредством использования индустриально-информационных и политико-идеологических механизмов социальной инженерии эпохи модернизма. Большевизм – это модернизированный рецидив традиционных структур российского социума, представляющий собой историческую форму перехода России в новое социокультурное качество, обладающее всеми достоинствами либеральной цивилизации»¹⁹.

Либеральной трактовке большевизма в первой половине 1990-х гг. противостояли различные по направленности концепции. И.С. Розенталь признавал такие сильные стороны большевизма как их умение слиться с массами, говорить с ними на одном языке, выполнять их волю, чтобы затем поднять под себя и сделать своим послушным орудием, силой подавив любые проявления инакомыслия и непокорности. Он писал, что «политика большевиков была более реалистичной, чем любой другой партии в России начала XX века. Утопичным оказался главный расчет: насадить сверху, силой сверхцентрализованной власти совершенную организацию общества, порывая при этом с фундаментальными общечеловеческими ценностями»²⁰.

Некоторых исследователей объединяло желание объяснить большевизм в контексте особого, отличного от западного, исторического пути развития России. Сюда можно отнести антизападнические, прославянофильские концепции. Во время «круглого стола» «Россия и Запад», организованного журналом «Вопросы философии», мнения исследователей о большевизме разделилось. Одни авторы трактовали большевизм как исторический реванш России за прежние ее поражения в соревновании с Западом, другие – как враждебную народной почве попытку форсированной агропромышленной модернизации, превращающей Россию в западноевропейскую страну с присущими Западу бедами и пороками²¹.

Модно было рассматривать большевизм с евразийских позиций. По мнению В.Б. Пастухова, «большевизм был наиболее полным, законченным и логически последовательным воплощением нового типа русской культуры – своеобразного и неповторимого синтеза европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективности. Иными словами, большевизм есть итог развития интеллигенции как особого культурного «класса», возникшего на стыке двух основополагающих начал российской культуры». Автор считал, что именно большевизм создал все необходимые предпосылки для окончательного целостного оформления евразийской цивилизации²².

С модернизационной точки зрения большевизм был закономерным ответом на модернизационный вызов Запада и следствием неспособности других политиче-

¹⁹ Русакова О.Ф. Анатомия большевизма. С. 210

²⁰ Розенталь И.С. Большевики // Политическая история России в партиях и лицах. С. 110

²¹ См.: Вопросы философии. 1992. № 6. С. 6-7

²² Пастухов В.Б. Будущее России вырастает из прошлого: Посткоммунизм как логическая фаза развития евразийской цивилизации // Полис. 1992. № 5-6. С. 69

ских сил страны разрешить клубок противоречий, возникших в результате утраты социально-экономической целостности многоукладной российской жизни. Он представлялся в качестве социальной силы, вызванной к жизни объективными потребностями модернизации страны, новыми, не буржуазными методами, которые приводили бы к согласованию различных типов культурно-исторических укладов, погашению существующих между ними конфликтов. По словам И.К. Пантина, к началу XX в. «прогресс страны, не переставая быть буржуазным по своему экономическому и другому содержанию, перестал быть «буржуазной мерой», т.е. препятствия на пути его должны были сокрушить другие силы. Победила пролетарски-якобинская диктатура, превратившая Россию в тоталитарное государство»²³.

Во второй половине 1990-х гг. – начале XXI в. изучение истории большевизма продолжилось²⁴. История РСДРП(б) представлена в статьях, опубликованных практически во всех обобщающих работах по истории политических партий.

Достаточно представительной является современная литература о лидерах и активных функционерах большевистской партии. Она является чрезвычайно разнообразной. Показательным является возобновление во второй половине 1990-х гг. споров вокруг личности Ленина. Наряду с продолжением критики Ленина, присутствующей в работах как отечественных²⁵, так и зарубежных авторов²⁶, намечается желание более объективно оценить его роль в истории²⁷. Исследователи пытаются разобраться в тех спекуляциях по поводу личной жизни Ленина, которые были накоплены в литературе первой половины 1990-х гг.²⁸

Весьма показательным для характеристики современной отечественной литературы о Ленине является обоснование редакцией серии биографий «Жизнь замечательных людей» выбора для публикации в этой серии книги английского исследователя Р. Пейна. Издатели признают, что «недостатка в авторских заявках на написание ленинской биографии для серии «ЖЗЛ» редакция никогда не испытывала», однако «в тот-то и суть, что уже на стадии заявок практически всегда отчетливо прослеживались две взаимоисключающие авторские установки: либо укутать своего героя «как мимозу в ботаническом саду», либо «раздеть до костей»²⁹.

²³ Пантин И.К. Россия в мире: историческое самоузнавание /Размышление в связи с книгой М.Я. Гефтера «Из тех и этих лет» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 29

²⁴ См.: Ильсов Ф.Н. Большевизм: Норма или отклонение? // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 1; Поцелуев В.А. Исторические корни политики большевиков. М., 1998; Цфасман А.Б. Якобинство и большевизм: от источников тоталитаризма к рождению тоталитарного государства // Европа в контексте диалога Запада и Востока в новое и новейшее время. Екатеринбург, 1998; Булдаков В.П. Большевизм в интерьере российской многопартийности; и др.

²⁵ См.: Латышев А.Г. Ленин: первоисточники. М., 1996; Его же. Рассекреченный Ленин. М., 1996; Ленин В.И. Неизвестные документы 1891-1922 гг. М., 1997; и др.

²⁶ См.: Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. М., 1998; фон Раух Г., Хильгер Г. Ленин. Сталин. Ростов н/Д., 1998; Сервис Р. Ленин. Минск, 2002; Пейн Р. Ленин: Жизнь и смерть. М., 2002; и др.

²⁷ См.: Жизнь В.И. Ленина: Вопросы и ответы. Ульяновск, 1995; Волков Ф.Д. Великий Ленин и пигмеи истории. М., 1996; и др.

²⁸ См.: Лопухин Ю.М. Болезнь, смерть и бальзамирование Ленина. М., 1997; Его же. Правда и мифы о болезни, смерти и бальзамировании Ленина. М., 1997; Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины: Тайны родословной и псевдонимы. СПб., 1997; Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной: Об истории спекуляций вокруг родословной Ленина. М., 1998; Мельниченко В. Личная жизнь Ленина. М., 1998; и др.

²⁹ От редакции // Пейн Р. Ленин: Жизнь и смерть. С. 6

В современной историографической литературе высказываются различные мнения о степени изученности истории большевизма и о факторах, которые влияют на изучение этой проблемы.

Причины слабого изучения современными исследователями истории большевизма С.В. Тютюкин видит в полной компрометации идей социализма прежним руководством КПСС, беспомощность современных коммунистов перед лицом их противников, слабости нынешнего рабочего и профсоюзного движения, крайней малочисленности сторонников социал-демократических течений в России. «Временный запрет деятельности компартии в 1991 г., страх перед возможными запретами на профессию, общественные слушания по делу компартии в 1992 г., воспринятые многими как преддверие суда над коммунистами и коммунизмом, и т.д.»³⁰.

В.П. Булдаков объясняет это тем, что «в современных условиях (очевидно, в противовес прошлому засилью «историко-партийного» подхода) научная история большевизма стала в России почти запретной темой. Принято считать, что с этим «все ясно»: большевистская партия – главный виновник Октября. Подобный взгляд – лишь негативное воспроизведение былой апологетики большевизма»³¹.

В литературе последних лет доминирует два подхода в оценке большевизма. В либеральной историографии большевизм продолжает рассматриваться как некая аномалия в общем движении мировой цивилизации к утверждению ценностей либерализма и гуманизма. Другая часть историков рассматривает большевизм как достаточно сильное идейно-политическое течение, соединившее марксизм, русскую революционную традицию XIX в. и рабочее движение. Это был своеобразный, по словам Сталина «орден меченосцев» – ультрацентристская, строго дисциплинированная и полувоенная организация, призванная решить, прежде всего, задачу захвата власти. Ядром большевистской фракции, а затем партии «нового типа», которая принципиально отличалась от партий II Интернационала, были профессиональные революционеры из числа радикально настроенной интеллигенции и рабочих, а массовой опорой – в основном русские рабочие средней, а зачастую и низшей квалификации, привыкшие безоговорочно подчиняться партийным функционерам. При подборе руководящих кадров большевиков большую роль играл фактор личной преданности Ленину как единоличному лидеру партии.

Современные историки осуждают экспроприации, проводившиеся большевиками в 1906-1907 гг., их «пораженчество» в 1904-1905 гг. и 1914-1917 гг., предполагаемые связи с японской и германской разведкой в годы войн, захват власти в октябре 1917 г. и отказ от формирования однородного социалистического правительства, роспуск Учредительного собрания, «красный террор» и т.д.

В.П. Булдаков считает, что при характеристике деятельности большевиков «мы имеем дело не просто с палачами, а скорее с ложно героизированными жертвами кризисного излома большого исторического времени». По его словам, «большевизм – это вовсе не грандиозный исторический обман, а ставший обычным в XX в. доктринальный самообман, который явился источником разгула иллюзорного сознания. Лидеры большевизма, путая временную конъюнктуру с ве-

³⁰ Тютюкин С.В. Современная отечественная историография РСДРП // Отеч. история. 1998. № 6. С.59

³¹ Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996. С.195

душей тенденцией, полагали, что идут столбовой дорогой человечества, а тем временем загоняли Россию в тупик имперской автаркии, подгоняемой государственным индустриализмом архаичнейшего типа»³².

Автор выступает против упрощенного взгляда на большевизм. Он пишет: «Большевизм исторически пластичен. До 1917 г. он – это особого рода доктринерство. Затем наступает период «большевизма масс». Наконец, приходит время большевизма власти. «Загадка» большевизма в том, что он значительное время как бы естественно перетекал из одного состояния в другое»³³.

Большевизм как политическое течение в целом, как фракция в РСДРП, затем самостоятельная партия трактуется рядом историков как разновидность левого экстремизма. Одной из предтеч большевизма эти авторы считают народовольчество.

По словам И.С. Розенталя, «большевизм стал продолжением радикальной линии в российском революционном движении и вобрал в себя противоречивые элементы идеологии и практики некоторых предшественников (Н.Г. Чернышевского, П.Н. Ткачева, С.Г. Нечаева, «русских якобинцев») и современников (В.К. Махайского); в то же время он абсолютизировал опыт Великой французской революции, прежде всего якобинской диктатуры (по словам Ленина, «якобинец, связанный с пролетарскими массами, это и есть социал-демократ»); большевикам – «якобинцам» он противопоставлял меньшевиков – «жирондистов»³⁴. А.Б. Цфасман также отмечает, что «с момента зарождения большевистского движения якобинство воспринималось им как своего рода предтеча»³⁵.

В связи с отнесением большевизма к политическому экстремизму интересно отметить, как изменялись мнения историков об отношении большевиков к террористической тактике борьбы с самодержавием. В советской историографии связь между террором и революционной практикой большевиков отрицалась. Даже в годы «перестройки» эту проблему пытались скрыть от общественности. Д.Б. Павлов показывал неоднозначное отношение Ленина к терроризму³⁶. Большинство историков в 1990-е гг. подчеркивают террористическую, экстремистскую сущность большевизма. Американская исследовательница А. Гейфман полагает, что антитеррористическая риторика социал-демократов периода «Искры» и «Зари» не помешала им взять на вооружение раскритикованную ими тактику уже в годы первой российской революции³⁷.

Таковы лишь некоторые проблемы истории большевизма, которые интересуют современных исследователей.

³² Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 316-317

³³ Булдаков В.П. Большевизм в интерьере российской многопартийности. С. 288

³⁴ Розенталь И.С. Большевики // Отеч. история. Энциклопедия. Т. 1. А-Д. С. 266

³⁵ Цфасман А.Б. Якобинство и большевизм. С. 116

³⁶ См.: Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой русской революции. М., 1989. С. 157-160

³⁷ См.: Гейфман А. Революционный террор в России. М., 1997. С. 84-122